

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Стачка в Астурии

Ги Дебор

Ги Дебор
Стачка в Астурии
1964

Сохранено 31 января 2012г. из revsoc.org
перевод и комментарий — хслао

ru.theanarchistlibrary.org

1964

Оглавление

Предисловие переводчика	5
Стачка в Астурии (1962-1963), письмо к Тору Тагаки	6

было после Второй Мировой Войны в Германии и Франции. В Испании хорошо помнят политические уроки (антифашизм привёл к поражению в Гражданской Войне — прим. пер). Политическую эволюцию режима тормозили, начиная с победы Франко и до настоящего момента. Но все равно, экономическое развитие еще раз привело Испанию в её особенных условиях к свиданию с глобальным кризисом и его проблемами.

Текущий подъем испанского пролетариата все еще не привел к созданию революционной организации, приспособленной к новым возможностям. Отсутствие таковой существенно повредило распространению борьбы по всей Испании и не привело к достаточному ее расширению, которого бы хватило, чтобы разрушить франкистский режим, и, наряду с этим, весь общественный строй, не способный превзойти уровень того времени. Но, в то же время, сам факт того, что испанский рабочий класс не пошел на поводу ни у сталинистской партии, ни у реформистов, усугубляет положение капитала, сокращая тем самым возможность для его маневров и приближая его конец в последнем противостоянии. В своей хронической неспособности организовать современный механизм власти, испанский правящий класс выносит себе приговор, который способен привести в действие только пролетариат.

Предисловие переводчика

О фигуре Ги Дебора и о ситуационистах узнавали в России через третьи источники (НБП, либерально и богемно настроенных анархистов или от Тарасова), или через убогие переводы основных текстов, что отнюдь не приводило к пониманию левокоммунистических и ситуационистских позиций С.И. Поэтому в России сейчас невозможно трезво оценить влияние этой группы на студенческие волнения 68, на последующие события, на развитие коммунистической мысли и обобщение революционного опыта.

В своем письме Тору Тагаки, Дебор повествует о событиях 1962-1963 года в Испании. События эти поставили Франко перед выбором: либо пролетарская революция и гражданская война, либо реставрация короны под флагом демократизации и окончательная капиталистическая модернизация, которую невозможно было осуществить при режиме Франко. Ценность аналитики и оправданность прогнозов Дебора подтверждается тем, что заметно одряхлевший Франко восстанавливает монархию в 1969 году и передает власть молодому Хуану Карлосу. Дальше, как мы знаем, была демократизация и превращение фашистского государства в парламентскую республику.

Механизм «Демократия-Фашизм-Демократия» работает как часы, это мы знаем не только по статьям и книгам либертарных коммунистов, но и по фактическому историческому материалу. Сегодня, когда мир переживаем кризис легитимации современных социальных институтов, таких как профсоюзы, полиция, армия, глобализация, относительный мир, и жуткая корпоративная эксплуатация ставит перед нами вопрос: «Куда нам двигаться дальше?». В демократию, как предлагают троцкисты, левые либералы, профсоюзные активисты? Или в фашизм? Нет, это движение по кругу, путь капитализма, это то, что капита-

листические идеологи назвали концом истории. Но нет, история никогда не кончается, из двух вариантов (фашизм и демократия) мы выбираем третий, пролетарская революция, которая ломает стены и ведет нас к победе творческого созидющего человечества, к коммунизму.

Стачка в Астурии (1962-1963), письмо к Тору Тагаки

В Испании, летом 1963 года гремела вторая волна рабочего сопротивления франкистскому режиму. Первое грозное возрождение классового сознания испанского пролетариата — спустя двадцать три года после поражения революции, после гражданской войны против национального и мирового фашизма — явилось в виде весенних забастовок 1962 года. Несмотря на то, что с момента победы Франко, любая забастовка была незаконной, забастовки 1962 года были в основном успешными; начавшись в угольных шахтах Астурии, они распространились по всей Испании. Между последней неделей июля и концом сентября 1963, Аустурийские шахтеры организовали 60-дневную забастовку, которая объединила от 40 до 50 тысяч рабочих. Агитация на шахтах Астурии, начиная с успехов 1962, велась безостановочно. В тоже время локальные конфликты из-за условий труда и отдельные забастовки постоянно преследовались. Но на этот раз, забастовка на одной угольной шахте распространилась в рамках солидарности на всю угледобывающую отрасль Астурии. К стачке сразу же присоединились металлурги Миаороса, но их требования были быстро удовлетворены. Под занавес этой завершающейся битвы классов произошло несколько шахтерских стачек, буквально взорвавших Рио-Тинто и Пуэртольяно (юг Испании), агитация также произвела большой эффект среди

приемлемыми. В принципе, они (право на стачку и право рабочего союза постоянно требовать повышения зарплаты) являются приемлемыми для современного капитализма. Но модернизация испанского капитализма, период, который мы сейчас переживаем, при участии американского капитала, продвинулась достаточно далеко, что позволяет думать о глубоком изменении социальной базы правящего класса по сравнению с 1936 годом. Господство перешло от землевладельцев к индустриальным капиталистам. Эти капиталисты стараются построить новую промышленность, которая будет ориентирована на конкурентоспособность на внутренне-европейском рынке. И они не нашли в суперструктуре режима Франко власти, которая приспособлена к их способу максимизации прибыли. (Декларации современной фракции испанского духовенства в пользу забастовщиков 1962 выражают интерес этой капиталистической модернизации; предоставление месячного отпуска как ничто другое характеризует это.) Однако очень трудно мягко заменить власть режима Франко, который является, прежде всего, властью военной касты, то есть репрессивной силой, которая сломала пролетарскую революцию 1930-ых. Правительство Франко не может стать «демократичным» само по себе, и, так как этот режим остается единственным инструментом управления Испанией, требования шахтеров останутся неприемлемыми. Любая свобода для рабочего класса недопустима для власти, функция которой — ничего кроме подавления такой свободы.

Мирная замена франкистской власти может таким образом быть подвергнута опасности давлением рабочего класса, который в настоящее время переходит к более радикальным мерам. Рабочие — основная сила, которая способна в настоящий момент смести франкизм, но они не будут делать это в надежде на установление более современного капитализма и формальной демократии, как это

жием в борьбе государства против забастовщиков были не только экономические уступки (как в Миаросе), но так же и чрезвычайно мощные полицейские репрессии. Некоторые шахтеры были арестованы и заключены в тюрьму, многие из которых позже были замучены в застенках.

Вместе с репрессиями, которые скрывались как могли, но уже привели к ряду протестов от нескольких испанских интеллектуалов, правительство Франко организовало зрелищное судилище над анархической угрозой. Пять анархистских активистов были арестованы после — точнее сказать, даже прежде — нескольких очень слабых взрывов бомб, предположительно якобы как протест против туризма в фашистскую, но солнечную страну (туризм давал существенный вклад в экономику франкистского режима). Два анархиста были задушены гарротой (было выбрано преднамеренно средневековое наказание), трое из активистов были французами, их осудили к 15-30 годам тюремного заключения.

Размах ещё продолжающейся борьбы в Астурии и ответных репрессий со стороны государства, разумеется, будет играть огромную роль в кризисе франкизма. Шахтеры Астурии занимают одно из важнейших мест в истории современной Испании. В 1934 их вооруженное восстание позволило им прийти к власти в целой области и только после недели военных операций, преимущественно проводимых испанской колониальной армией, коммуна была повержена. С обеих сторон эта вооруженная конфронтация была прелюдией к гражданской войне, которая предшествовала этому поколению астурийских шахтеров 1962-63, которые возможно станут знаменитыми «динамитерос» (зачинщиками) сражений в Мадриде и Гваделахаре.

Таким образом, шахтеры Астурии находятся сегодня в центре противоречий современной Испании. Их текущие требования являются одновременно приемлемыми и не

рабочих области Джаэн, основного производственного региона. Однако, в этот момент движение в Астурии уже значительно потеряло свою силу, и забастовка не распространилась на Каталонию (в частности, на Барселону — еще один крупный промышленный центр Испании), Страну Басков или Мадрид.

Требования шахтеров, с экономической точки зрения довольно слабые, касались только штатных рабочих. Повышение прожиточного минимума в течение прошлых 16 месяцев сделало достижения, добытые в 1962, несущественными. Но интересы рабочих не были ограничены только этим моментом. Они также касались условий труда и отпусков; металлурги Миароса добились месяца оплаченных отпусков ежегодно, шахтеры также добавили это к списку своих требований. Однако, не смотря на это, основное требование шахтеров заключалось в возможности иметь своих собственных непосредственных делегатов, отрицая вертикальную профсоюзную структуру Франко, в которой менеджеры и рабочие были объединены вместе. Таким образом, забастовка имела и политические требования. Это было вызовом одной из основ испанского буржуазного режима, о котором начали забывать лишь в период бури 1936-1939 годов. Это была открытая борьба за свое достоинство, и таким образом демонстрация силы режиму, презираемому всеми испанскими рабочими.

Форма забастовки астурийских шахтеров показывает независимость их интересов. Каждый рабочий совет той или иной шахты выбирал своего собственного делегата. И, устроив несколько тайных собраний делегатов, им удалось провести стачку. Не признавая профсоюз, забастовщики, представляя свои требования непосредственно, послали правительству в Мадриде группу шахтеров, болеющих силикозом (профессиональное заболевание легких, обусловленное длительным вдыханием пыли, содержащей

свободную двуокись кремния — прим. пер). Они сказали, что у них не было никаких других представителей кроме них самих.

Солидарность рабочих в области постоянно подтверждалась как факт наличествующей борьбы. Как и в 1962, тем, кто не участвовал в забастовке, подбрасывали под дверь зерна пшеницы — корм для цеплят, символ трусости, прямое оскорбление, имевшее своей целью высмеять этих людей и их поступки. Рыбаки Бильбао работали даже после того как заканчивались их нормальные рабочие смены, чтобы быть в состоянии дать шахтерам рыбу. Шахтеры, все еще разделявшие этот заговор, работали и делили продукты вместе с товарищами. Мелкие хозяйства в области поддерживали забастовку, индивидуально распределяя среди рабочих по их районам проживания. Шахтеры Астурии говорят, что деньги, собранные для них за границей в 1962, им так и не достались: их забрали себе бюрократы в Праге (Сталинисты) или Тулузе (Социалисты в изгнании) для финансирования своей пропаганды. Они просят, чтобы средства посылались конкретно семьям рабочих на их нужды.

Роль старых политических организаций испанского пролетариата, серьезно дискредитированных своими ошибками во время революции и гражданской войны, в настоящий момент не так значительна, в то время как другие — Анархисты, Сталинисты, Социалисты, P.O.U.M. — все еще обладают тайными сетями. Самым относительно активным политическим движением в области Астурии был, во-первых, объединенный альянс, состоящий из анархистов и социалистов, а также из множества молодых рабочих, не придерживающихся каких-либо идеологий. И, во-вторых, Народный Освободительный Фронт, недавно созданная организация в духе геваризма, вербующего своих сторонников среди интеллектуалов и студенчества. Комму-

нистическая партия особенно презирается пролетариатом из-за своей политики объединения всех испанских классов, включая монархистскую буржуазию, с целью мирной и «демократической» замены франкистской диктатуры. Коммунистическая партия гарантирует капитализму, что политически значимые изменения не станут рискованно революционными. Эта политическая директива была активно озвучена на испанском языке по радио «Прага».

В 1962 году правительство Франко, испугавшись роста забастовок, пыталось скрыть их существование настолько долго, насколько это было возможно. Наконец, им пришлось как признать нелегальные забастовки, так и повысить зарплаты. После окончания забастовки репрессии ограничились высылкой небольшого числа пролетарских активистов. На этот раз, в 1963, существование забастовки было немедленно признано правительством. Но это было технически и экономически оправданно глобальным кризисом в угольных шахтах из-за появления новых источников энергии. Кризис — это реальная угроза для всей Европы (ответами на него были стачки французских и бельгийских шахтеров) и особенно Испании, где извлечение угля не так выгодно (особенно в перспективе европейской экономической интеграции). Сначала, власти ответили рядом локаутов, и предложили дебаты на тему будущего шахт с их профсоюзами. Шахтеры отказались от этих дебатов. Происходили повторные «открытия» шахт — что было неразумно с одной стороны и незаконно с другой; такие попытки предпринимались каждый понедельник — менеджеры заставляли говорить, что якобы недостаточно шахтеров для работы, и они объявляли локаут. Правительству пришлось оставить забастовку в покое, в надежде, что у рабочих кончатся ресурсы для продолжения борьбы и сконцентрировать все силы на том, чтобы не допустить разрастания забастовки, грозившей свергнуть режим. Ору-